

Неудачник Пепе (Дорошевич)

Пепе был неудачником в жизни.

Он сажал апельсины, а вырастали кактусы. Сажал лимоны, а вырастали опять кактусы. Садил виноград, — росли всё равно кактусы.

Пепе покупал жеребёнка, а вырастал осёл. Осёл удивительно хорошо бегал, когда был пустой, — и ложился наземь, как только его нагружали. Днём он спал, а всю ночь напролёт кричал, — так, что Пепе два года не мог заснуть. Кроме того, осёл съедал всё, что было на огородах у соседей, за что те били и осла и Пепе. Куры у Пепе пели петухом и не несли яиц.

— Не иначе, как мою мать сглазила какая-нибудь грязная старуха, когда мама ещё была беременна! — в отчаянии говорил Пепе. — Хоть бы внука её встретить! Все кишки бы выпустил!

Чего-чего не делал Пепе?

Ходил голым, чтоб его обдуло ветром. Лазил на горы и валялся в снегу, чтобы очиститься. Жёг свечи перед мадонной на улице деревни.

В саду росли кактусы, осёл кричал с вечера до утра, куры пели петухом. Соседи смеялись:

— Пепе! Завёл бы себе собаку, чтоб сторожить богатства! Пепе махал рукой:

— Всё равно, куплю щенка, а вырастет кошка. Терпелив был Пепе.

Двадцать лет он терпел. Но, наконец, не выдержал. Поломал все свои кактусы, зарезал кур, которые пели петухом. Сварил, наелся в первый раз в жизни. Даже крякнул.

— Хе, хе! Вот оно, что значит быть сытым! Внизу тяжело, вверху легко! Словно человека поставили вверх ногами!

Вытянул хворостиной вдоль спины своего осла. Осёл не преминул ещё раз лягнуть хозяина. Продал соседу за двадцать сольди свою хибарку. Подпоясался потуже. Сунул за пояс нож и деньги. Положил в мешок варёную курицу, поставил свечку мадонне и сказал соседям:

— Будьте вы прокляты утром и вечером, чтоб вам не было ни в чём успеха ни днём, ни ночью. Вы ещё услышите о Пепе!

И ушёл в горы.

Половина деревни взялась за голову: — Теперь не иначе, как Пепе всех перережет! Но другая половина успокоила: — Его самого убьют карабинеры. А Пепе шёл по дороге, рука на рукоятке ножа, и думал: «Провели дорогу, а не ездят! Так и есть! Стоило мне начать разбойничать, как все решили сидеть дома!»

Как раз в эту минуту из-за поворота вышел человек и низко поклонился:

— Добрый день и добрый путь, хороший человек!

Пепе заорал:

— Стой! Становись на колени и умоляй, чтоб я тебя не зарезал!

Но человек улыбнулся и не двигался с места:

— Зачем же мне тебя умолять?

Пепе вынул нож:

— Да ты видишь, что это нож?

— Я не слепой и вижу хорошо, добрый человек. Большой нож.

— Ну, а раз это нож, — значит, ты должен бояться!

— Чего ж мне бояться, добрый человек?

— Тьфу!

Пепе потерял терпение.

— Будь проклята твоя мать, что родила тебя на свет таким дураком! Как проедусь по горлу ножом, будешь знать, чего бояться! Поумнеешь, — да будешь мёртвый!

Но человек только поднял голову и подставил горло:

— Режь!

Пепе отступил:

— Как же ты не боишься смерти?

— А чего ж её бояться? Лучше от ножа, чем с голоду. Я три дня ничего не ел!

— Как же так? — удивился Пепе. — Совсем ничего? Разве может человек три дня совсем ничего не есть?

— Значит, может!

— Да, ведь, это, я думаю, страх как мучительно!

— Ты думаешь, а я знаю.

— Гм! — задумался Пепе. — Хорошо, что у меня есть варёная курица. На, половину. Съешь.

Только кости затрещали у человека на зубах.

— Теперь легче? — спросил Пепе.

— Теперь-то и ещё хуже! — отвечал человек. — Только музыку послушал, на зубах похрустело! Если бы эта курица прожила ещё лет десять, несла яйца да высиживала, я бы съел её со всем её потомством!

Пепе рассмеялся:

— Да она пела петухом! Ну, на тебе остальную половину. Прощай.

Тот даже в ответ ничего не сказал, — только куриные кости затрещали на зубах. Пепе шёл и думал:

«Праздник, что ли, сегодня у купцов? Чего они не ездят! О, господи, до чего ленивы стали люди!»

В это время из леса вышел человек. Пепе даже подпрыгнул от радости.

— Стой! — завопил он. — Становись на колени и умоляй, чтоб я тебя сейчас тут же не зарезал! Но человек только посмотрел мрачно.

— Кто ты такой, чтоб перед тобой на колени становиться? И с чего это ты будешь людей резать?

Пепе рассердился:

— Ну, ну! Некогда мне с тобой разговаривать! Разговорился тут с одним, а он у меня курицу и съел! Видишь пояс, видишь нож. Вообще, моё дело такое, чтоб людей резать. Одним словом, я разбойник. И всё тут! Разбойник! И выворачивай, значит, карманы!

— Ежели ты разбойник, так я тебя поздравляю! — мрачно отвечал человек. — Здорово сегодня будешь ужинать, как я карманы выворочу!

— А ты выворачивай!

— Дурак! Если б в них что-нибудь было, я бы сам ещё третьего дня прожрал!

Пепе с отчаяньем всплеснул руками:

— Ужели тоже три дня не ел?!

Но человек посмотрел на него мрачно и с презрением:

— Обжора тот, кто каждые три дня ест! Мой дед, говорят, через три дня ел. И за это его в нашем семействе считали богачом. Мой отец ел через пять дней на шестой. А я ел каждую неделю. Эту неделю, впрочем, пропустил!

— Ах, будь прокляты его кишки! — схватился за голову Пепе. — На какого негодяя целую курицу стравил! Что ж мне теперь с тобой сделать? На, поддержи нож, я распояшусь. Вот тебе пара сольди. Иди в деревню, — поешь.

Человек схватил деньги и пустился бегом. А Пепе подумал:

«Если я буду разбойничать, — придётся самому околеть с голода!»

И Пепе пошёл, посматривая, — не видно ли по дороге купца. Как вдруг из куста высунулся ствол карабина, и такой голос, что у Пепе забились и задрожали жилы в пятках, — гаркнул из-за куста:

— Ни с места! Ложись!

Пепе попробовал было пробормотать:

— Я сам разбойник!

Но ствол ружья гулял взглядом у него по груди, словно рассматривая, где сердце.

— Ложись!.. Да не так, дурак! Лицом к земле. Вот этак! Теперь закрой лицо руками и лежи, пока я тебя не обшарю!

— Я щекотки боюсь!

— В первый раз в жизни вижу осла с короткими ушами. А смерти не боишься? Лежи, пока башку не расколотил.

И хоть было щекотно, но Пепе лежал, пока бандит ему развязывал пояс.

— Ишь напутал! Ишь напутал! А денег всего восемнадцать сольди! Видно, что глуп! С такими деньгами в дорогу идёт. Вот и пояс я тоже возьму себе. Такому дураку нож оставлять. Теперь лежи и считай до пятисот. Да считай не

торопись. Сосчитаешь, — можешь встать. Иди смиренно, живи благочестиво. О встрече никому не говори. А утром, в полдень и вечером молись пресвятой деве за Луиджи. Будешь помнить имя?

— Буду!

Пепе полежал, сосчитал до тысячи, стараясь считать медленней. Сосчитал ещё до пятисот, открыл один глаз. Никого. Встал, огляделся, — ни души кругом.

Пепе помолился мадонне за Луиджи и пошёл в Кальтаниссетту к святому отцу-епископу исповедоваться. — Что же теперь ему, Пепе, остаётся делать? Святой отец в Кальтаниссетте славился своею мудростью.

Пепе пришёл к нему и заплакал:

— Так человек может и погибнуть. А я всё-таки христианин. Когда был мальчиком, служил даже при церкви и всю мессу наизусть знаю. Святой отец ответил:

— Расскажи нам своё горе, а мы тебе, как нам святая Анна поможет, так и посоветуем. Чем ты теперь занимался, сын мой?

— Я был разбойником.

Святой отец покачал головой и сказал:

— Это нехорошо.

— Только я никого не ограбил. Меня ограбили.

Святой отец покачал головой и сказал:

— Это для души гораздо лучше.

Пепе вздохнул:

— Для души-то хорошо, телу только скверно. И зачем у души, словно у собаки хвост, тело выросло? Душа — огонь, тело — как дым. От души в доме тепло, а дым, будь он проклят, глаза ест!

Святой отец сказал:

— Ты рассуждаешь довольно правильно, и видно, что не совсем глупый человек. Скажи нам, что ж ты думаешь делать?

— Да делать, святой отец, я умею, что угодно. Только ничего не выходит. Занимался я до разбойничества землёю. Как все соседи. Только у них растут апельсины, лимоны, виноград, — а у меня кактусы.

— Зачем же ты сажал кактусы? — удивился святой отец.

— Да я сажал апельсины, а вырастали кактусы!

Святой отец задумался:

— Гм... Сын мой!.. Не легко приискать тебе, в таком случае, занятие. Мы знаем ещё только одно дело, где сажают апельсины, а вырастают кактусы. Вот что! Мы сделаем тебя патером.

— Меня?! — изумился Пепе.

— Тут есть одна деревушка. Когда как-то карабинеры поймали оттуда одного крестьянина по обвинению, что он разбойничает, — так добрый человек даже рот раскрыл от изумления: «Разве не все люди разбойники?» Туда, по чистой совести говоря, никто и идти не хочет. Ты говоришь, что мессу наизусть знаешь? Отправляйся-ка туда. Растолстеть ты там не растолстеешь. Но и с голоду не умрёшь. И жизнь человеческая не пропадёт. Вот тебе наше благословение.

Дали Пепе старенькую сутану, войлочную шляпу и пошёл Пепе во вверенную ему деревню.

Деревенька была маленькая, но перед мадонной посреди улицы всегда горело свечей десять, — не меньше.

— Эге! — сказал себе Пепе. — Тут кой-что сделать можно.

Редкий день к нему не приходили исповедоваться.

— Я сегодня на заре человека у дороги зарезал. Что мне теперь делать, отец?

Пепе качал головой и говорил:

— Нехорошо!

Долго разъяснял, как скверно у людей отнимать жизнь.

— Тебе было бы приятно, если бы тебя зарезали?

И назначал:

— Положи тысячу поклонов, — или две, или три, — и больше не режь!

Тот клал поклоны, а потом шёл и поджигал солому у соседа. Пепе говорил поучения, как не следует брать чужого, враждовать между собой и людей убивать. Его слушали и даже плакали.

И, слушая поученье, воровали друг у друга из кармана, а потом все вместе шли, кого-нибудь грабили и при делёжке пускали друг другу нож в бок.

Пепе, наконец, пришёл в ужас и отчаянье и пошёл к святому отцу в Кальтаниссетту.

— Святой отец! — воскликнул он в слезах, кланяясь в ноги. — У меня опять ничего не выходит. Я говорю одно, — а они делают другое. Я говорю: «любите», — а они злобствуют. Помолятся и убивают. Послушают поученье и идут красть!

Мудрый отец вздохнул и покачал головой:

— Так было, есть и будет до скончания веков, — когда в сердце человеческом хотят насадить что-нибудь доброе. Сажают апельсин, а вырастают кактусы. Иди и не отчаивайся. Не у тебя одного, у всех то же самое.

И Пепе вернулся в деревню, где грабили и со слезами слушали поучения, что не надо брать чужого.

И каждый раз, как святому отцу из Кальтаниссетты приходилось видеть Пепе, — он улыбался и кивал головой:

— Что, брат, Пепе? Сажаешь апельсины, а растут кактусы?

И Пепе, улыбаясь, отвечал:

— А растут кактусы!